

После публикации моей статьи «Лимиты революции» (Наш современник № 8\2017 г., День литературы № 10\2017 г., Гостиный Дворь №2(2)\2017 г.) стали поступать ко мне отзывы и вопросы читателей по существу нескольких положений, высказанных в ней. И потому возникла необходимость некоторых дополнительных разъяснений и уточнений её, статьи, посылов, по возможности не повторяя уже сказанного в ней.

Так сложилось в отечественной историографии, что поднимать вопрос о полном «онемечивании» в XVIII веке царской династии Романовых не было ни возможности до революции 1917 года, ни особой политической необходимости после неё. В силу существовавшей в этом отношении жёсткой цензуры историк В.О. Ключевский смог только констатировать, что после неудавшегося и во многом «антинемецкого» восстания декабристов из-за укрепившегося недоверия

династии к русским «кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...» Да и вывод этот, чрезвычайно значимый для нашей истории, он сделал и записал как бы «на полях» своих трудов, в надежде, что будущие историки получат наконец-то возможность развить эту тему, детально исследовать все её мало сказать — драматические «последствия»...

Но до сих пор этой исторической проблемы, насколько я знаю, никто из историков напрямую не ставил, так и осталась она, по сути, «белым», а вернее донельзя мутным пятном в нашем прошлом. Правда, сама возможность этого появилась после Октября, но в её реализации у новой власти уже не было какой-либо идеологической нужды: угнетателей-эксплуататоров, как и угнетаемых, не делили по признаку национальному, а только по классовому. Проблематика национальности тех и других и сейчас является официально табуированной, толерантность (в одном из значений этого слова — потеря иммунитета) и мультикультурализм здесь у россиянского политикума образцово-показательные, вплоть до ликвидации этой графы в паспортах и отсутствия русских, как народа-нации, в ельцинской Конституции РФ — тогда как в конституциях национальных республик в её составе субъектность этих «титовых»

народов прописана... Политически, а значит и социально нас, национального большинства России, как субъекта с соответствующими правами попросту нет — и всё это, разумеется, для сокрытия крайне значимых диспропорций и неравенства по этническому признаку в населении нашем, экономике и статистике, где самые бедные, обделяемые в финансировании, в социокультурных и прочих планах области — исконно русские...

Как я уже писал, православная обрядность Двора не делала «Романовых» русскими, и не было допущено ни одного случая женитьбы очередного наследника престола на русской; в любовницы — это, как говорится, всегда пожалуйста, но не более того. Кровь «немецкая», а с ней и все многочисленные и многосмысловые связи с западноевропейским Vaterland береглись пуще зеницы ока, и рискнувший жениться на русской, хотя бы и рюриковых кровей, женщине член династии лишался какого бы ни было шанса на престолонаследие. Ползучий, однако очень быстрый по историческим меркам захват ими верховной власти в Империи имел огромное, нами ещё, повторю, до сих пор не осознанное значение в её дальнейшей судьбе. Бироны-минихи-остерманы работали в этом направлении, надо признать, весьма эффективно, искусно отводя аборигенам роль исполнителей своего целеустремлённого дела.

Первостепенным по замыслу здесь, судя по всему, стало «дарование» Петром III (сиречь Карлом Петером Ульрихом) в 1762 году дворянству вольности, освобождения от обязательной даже в мирное время 25-летней военной и гражданской службы, а также и других весьма значительных привилегий, послуживших своего рода социальным и политическим подкупом «немцами» дворянского сословия (подтверждённых потом «жалованной грамотой» Екатерины II в 1785 году). И совсем не зря дворяне в порыве эгоистичной сословной благодарности собирались поставить этому горе-императору золотую статую; правда, когда он сдал Фридриху II все завоевания Семилетней войны, дворяне ещё имели силу свергнуть его, посадив на престол его жену Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую. Каковая и стала основательницей уже, считай, не замутнённой славянской кровью новой династии «Романовых»...

Всё это разрушило прежнюю, именно русскую систему государственной повинности, накладывавшую сравнительно соразмерные и потому более справедливые доли державного тягла и на дворянство, и на крестьян. Уже по смерти Петра I в мутную «эпоху дворцовых переворотов» правящей дворянско-немецкой верхушкой ускоренно велось закабаление, окончательное закрепощение основной части русского населения — крестьянства, и даже

по сравнению с мобилизационными отягощениями петровских реформ степень эксплуатации помещичьих и заводских крепостных возросла к концу XVIII века, по некоторым утверждениям историков, в разы.

Землю и крестьян на ней, которыми ранее наделяли дворян для должного несения ими государевой службы, они теперь получили в полную личную собственность и распоряжение вместе с правом судебно-полицейской и хозяйственной опеки над ними, сбора подушных денег-податей, определения и исполнения наказаний вплоть до отправки в Сибирь, а работников навечно прикрепляли к заводам и прочим промышленным предприятиям. И если в Европе того времени дело постепенно шло к какому-никакому освобождению крестьянства от феодальных пережитков и улучшению их условий жизни, то в России феодализм приобретал, наоборот, всё более жёсткие, крайние формы и уже мало чем отличался от рабства колониального толка.

Разрыв между верхним меньшинством и самым нижним подавляющим (и подавляемым) большинством окончательно принял ц и в и л и з а ц и о н н ы й х а р а к т е р, весьма чётко обозначив себя и в языковом плане, не говоря уже о социально-имущественном. Французский и немецкий в высшем свете вытеснили аборигенский русский, и даже наша национальная героиня, пушкинская

Татьяна, «выражалася с трудом на языке своём родном...» «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, — писал А.С. Грибоедов, — он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые ещё не успели перемешаться обычаями и нравами...»

Нет, успели так радикально разделиться, разойтись, что казались порой выходцами из совершенно разных народов.

Этот цивилизационный разрыв и является едва ли не главным признаком как классического вообще, так и «внутреннего» колониализма в России XVIII — XIX веков — вместе с утверждаемой Ключевским утратой «политической роли русского дворянства», русской элиты, а фактически ведь и потерей субъектности, независимости её, с отстранением от принятия важнейших, а подчас и судьбоносных для страны и народа решений. Потеряв верховную власть, отдав её в чужие руки, она утратила вместе с нею и стратегическое, проектное мышление, саму возможность постановки и достижения своих, русских долговременных целей, то, что называют прозревающей в грядущее «длинной волей». Это и стало началом длительного её и бесславного конца.

Гораздо раньше Ключевского в этом убедился сполна Ф.И. Тютчев, посвятивший российской дипломатии всю свою жизнь, с великой горечью видя «непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (то есть которого нельзя обойти — П.К.) противника, но старалась только служить ему подкладкой» и «только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих...» И отмечал в ближайшем окружении династии «черту, самую отличительную из всех — презрительную и тупую ненависть ко всему русскому, инстинктивное, так сказать, непонимание всего национального...»

Да всё это и немудрено было: ещё до Екатерины II императорский Двор стал «проходным двором» всей Европы, для всех и всяческих интернациональных проходимцев, слетевшихся «на ловлю счастья и чинов», чего стоила одна драма жизни и борьбы М.В. Ломоносова. Хотя несомненно, конечно, что некоторые «иностранцы специалисты» привнесли немалый вклад в развитие самых разных сторон научной и общекультурной жизни, делясь богатым опытом и знаниями Европы.

Но ведь именно наличие взывательной и целеустремлённой

«длинной воли», выражающей главные чаяния и домостроительные принципы своего народа, и делает из его верхов истинную элиту. Державная традиция первых Романовых прервалась-переменилась уже на Петре Великом, и само государственное устройство России всё более становилось искусственным, навязанным со стороны, несообразным и не отвечающим многим запросам и нуждам, интересам и даже религиозно-идеологическим установкам общерусского бытия, Царство русское сменилось на Империю «вообще». Онемеченную династию уже мало что родового, тем паче родного связывало с управляемой ею страной, разве что «графья» Бобринские; зато Европа была полна самыми близкими, алчными и весьма требовательными родственниками, что не могло не ввязывать «Романовых» во все европейские склоки и разборки, самой России чаще всего не нужные, а то и противопоказанные и ничего не приносящие, кроме беспрестанных и значительных трат в средствах, силах и жертвах. Та же Екатерина II, свергнув с помощью дворян негодного мужа, тем не менее продолжила его политику сдачи Пруссии всех результатов Семилетней войны, куда как дорого обошедшихся русским; да и могла ли поступить по-другому дочь прусского фельдмаршала? Надо сказать, она очень умело, чисто по-женски подчас и весьма щедро — за счёт казны, разумеется, — подкупала расположение к

себе и преданность русских аристократов, что завещала и своему потомству.

Но вопиющая несправедливость «дворянской вольности» с попутным лишением крестьянства последних прав вызывали законное возмущение народа, и ей пришлось уже в первые годы правления жестоко усмирять около 100 тысяч помещичьих и 50 тысяч заводских невольников, не говоря уж о грянувшей позже Крестьянской войне, пугачёвщине. А все внешние, даже самые успешные завоевания при ней и её потомках никак, считай, не сказывались на положении подавляемого большинства народа, и как тонула большая часть русской деревни в нищете, схожей порой с какой-нибудь индусской, в середине века восемнадцатого, так и продолжала тонуть в начале двадцатого...

Дармовая «вольность», сверхизбыточные привилегии исторически сыграли с русской аристократией недобрую шутку — как, впрочем, и реформа 1861 года, о роли и грозных последствиях которой я уже писал. Землевладельческое дворянство в продолжение XIX века всё более впадало в системный кризис, обусловленный у нас, в первую очередь, экономическим иждивенчеством, а вернее прямым паразитизмом на крестьянстве, эксплуатацией дармового тоже рабского труда — который, как известно, развращает господ куда больше, чем рабов. Всё меньше занималось оно

собственно хозяйством сельским своим, перепоручая его хватким посредникам, корыстным старостам-приказчикам, переселяясь в города или вовсе за границу, с попустительства верховной власти мало заботясь о коренном улучшении его, а уж тем более жизни своих крепостных, отдавая их под бесконтрольный произвол управляющих имениями, и толстовские «константины левины» встречались, увы, всё реже, замещааясь больше «облонскими»...

Избавившись от какой-либо ответственности за своих бывших крепостных и получив при «освобождении» 1861 года гигантскую по тем временам сумму прямых выкупных платежей за землю в один миллиард рублей (а косвенных было, по некоторым прикидкам, раза в два-три больше), дворянство не потратило, не инвестировало хотя бы половины её в «подъём сельского хозяйства» своего, по-нынешнему говоря, а попросту «проело» в привычном барском потребительстве, а то и роскоши. Только в 1882—1901 годах русскими «путешественниками» было вывезено на Запад 1,37 миллиарда рублей — сполна напоминая этим сегодняшнюю, тоже массовую «четвёртую волну» эмиграции своим отношением к Родине, к своему национальному делу и долгу.

Результатом стало повальное разорение «дворянских гнёзд», обернувшееся форменной драмой того времени, но ни немецкая династия, ни служивая русская

аристократия в силу своего не-далёкого классового эгоизма не сумели, не смогли предпринять ничего рационального, действенного, чтобы усовершенствовать хозяйственные и социальные механизмы и вывести из кризиса всю земледельческую экономику, а не цепляться до последнего за свой шкурный интерес и отжившие сословные, едва ли не кастовые отношения в расколотом обществе. Как не могли по-настоящему поднять и технологический уровень промышленности, угодив в ростовщическую кабалу Запада, полностью утратив финансовую независимость.

Почему мы должны брать западные кредиты, спрашивал тогда исследователь экономики генерал А.Д. Нечволодов, чтобы на собственной земле, своими руками и материалами построить железную дорогу?.. С Ельциным и его, прости Господи, «элитой» посредством «Вашингтонского консенсуса» повторили извне тот же мошеннический трюк, что и с Николаем II при навязывании «золотого рубля». И эти же заурывные мантры об «иностранных инвестициях» мы слышим от правительства компрадоров и сейчас, что яснее ясного говорит о нашей финансовой несамостоятельности, а значит, и о державной несостоятельности тоже. И видим третий десяток лет то же отсутствие «длинной воли» во внутренней политике, какого-либо значимого и понятного народу проекта, кроме ненасытной

корысти продажной олигархии и пресловутого «выживания» для низов, обрекающего нас на вечное отставание и, вместе с тем, на деградацию — а вот она-то всегда конечна...

Одновременно с этим переживало острейший и всё нарастающий безвыходный кризис и крестьянство, составлявшее более восьми десятых всего человеческого ресурса Империи. Рождаемость была высокой и с перебором «съедала» жалкие приросты производительности труда и урожайности, население стремительно росло, а пашни, сельхозугодий на душу его становилось всё меньше, как и рабочего и прочего другого скота. Агротехника в основном оставалась самая примитивная, ещё зачастую с сохой, и прироста хлеба на вспаханной без должного удобрения земле почти не давала. К тому же во второй половине и ближе к концу XIX века из-за провального внешнеторгового баланса правительством всё усиливался так называемый «голодный экспорт» зерна и всякого другого продовольствия под чиновничьим циничным посылом «не доедим, но вывезем», царская «продразвёрстка» работала вовсю, не озабочиваясь пропитанием самих землепашцев, и Александр III даже запретил в официальных документах слово «голод», заменив его «недородом»...

Между тем, по статистике тех лет, хроническое недоедание крестьян в среднем на треть ниже самой минимальной нормы (около

20 пудов зерна в год на человека) было, по сути, постоянным фоновым голодом в деревне. А при неурожае, случавшемся каждые 4-5 лет, а то и чаще, страшный голодомор охватывал сразу десяток-другой губерний и десятки миллионов людей с неисчислимыми, в прямом и переносном смысле, жертвами-смертями, с тифом и цингой, не говоря уж о массовом разорении дворовых хозяйств... Всякий желающий знать может набрать в поисковике интернета работу А.Д. Нечволодова «От разорения к достатку», другие материалы на эту скорбную тему и получить исчерпывающие сведения, статистику, факты. Сравнение же питания, не помня условия жизни вообще, с сельским населением Европы и Северной Америки было просто убийственно позорными для России, где дело дошло уже до физического, телесного вырождения русского сельского населения...

Кое-как организованное и без действенной государственной поддержки проводимое переселение на свободные земли Сибири и Туркестана не могло решить проблему малоземелья и даже покрыть прирост населения, то есть положение его продолжало лишь ухудшаться. Бедствия переселенцев были подчас неимоверными, а «столовых (для них — П.К.) от Пензы до Маньчжурии только шесть», писала газета «Русское слово» в 1907 году, тогда как лишь за февраль в Челябинском переселенческом

управлении было зарегистрировано около 20 тысяч беженцев из голодных губерний... Каковы были пути-дороги в Сибири, мы имеем представление от Гончарова, Чехова и других писателей наших. Столыпин, пытавшийся найти выход из крестьянского «чёрного тупика», успел сделать сравнительно немало, но решить проблему постоянного голода и массового разорения на селе в принципе не мог, потому что она в «периферийном капитализме» романовского образца имела системный, неотделимый от него характер. Уже в разгар столыпинских реформ при сильнейшем голоде 1911 года за границу было продано 53 % собранного товарного хлеба: фигурально выражаясь, десяток-другой пароходов с российским зерном шло на Запад, а навстречу в Россию один пароходик милосердного Красногостовского Креста с прокормом для голодающих русских землепашцев...

Этим сдвоенным кризисом верхов и низов (при сравнительно слабом промышленном производстве, вдобавок большей частью контролируемом, как и банки, из-за рубежа) и была подорвана «становая жила» Российской Империи, её реальная, а не показная мощь, которая в любом государстве может быть обеспечена только независимым и успешным, экономически гармоничным развитием промышленности и сельского хозяйства. Крайнюю запущенность всех этих не только экономических,

но и политических, социальных, военных диспропорций большевикам пришлось преодолевать и выправлять ради спасения страны и народа в кратчайший предвоенный срок и самыми жёсткими, подчас жестокими мерами. Иных выходов из всего «наследства» Империи просто не оставалось: «иначе нас сомнут...» Вопросом жизни и смерти стало получить путём навязанной, а то и насильственной коллективизации государственный контроль над «хлебом насущным», иначе армию и город не прокормить, и ускоренной индустриализацией (с переброской на неё избыточных рабочих рук из деревни) создать оружие защиты.

Надо умудриться сейчас, с нашим-то историческим опытом, «не понимать» всей грозности той ситуации, причём в условиях послевоенной разрухи и враждебного внешнего окружения, и жёсткой невозможности других решений — разве что сдать и стать уже безусловной колонией многочисленных хищников во круг. И сорок первый, несмотря на все трагические пережёлты тех мер, подтвердил единственность этого пути.

Ведь ещё в 1918 году американский конгресс официально объявил, что России как государства больше не существует, а её территория, подразумевалось само собой, становится зоной «свободной охоты», международного раздела-разбоя, — очевидно, в благодарность за помощь

русского флота Штатам, тогда ещё разъединённым, в их гражданской войне в 1863 году... И тут же вместе со всеми прочими интервентами высадили оккупационные войска на Русском Севере и во Владивостоке, попутно дочиста грабя и вывозя всё ценное. «Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских, — не стал скрывать позже Черчилль. — Напротив того, русские белогвардейцы сражались за НАШЕ дело...» А переформатировать оккупационные зоны в «страны СНГ» — дело недолгое. И в этом смысле нашу Гражданскую войну можно с полным правом считать антиколониальной, а значит и отечественной — пусть со строчной, в память о всех павших с обеих сторон, буквы...

Всеохватный кризис государства, напрямую связанный с двухвековой утратой русской аристократией «длинной воли», с разложением и упадком ответственности за народ в национальной элите и привели к «внутреннему колониализму» в отношении к большинству населения России. Но это сказалось и на других сословиях, на всём строе той государственной и общественной жизни, и потому даже идейный монархист, известный публицист М.О. Меньшиков задаётся возмущённым вопросом: «Чьё государство Россия?» — так и назвав свою статью в 1908 году. И приходит к выводу, что

русские в массе своей лишены даже элементарного равноправия с другими национальностями в собственной стране, что «коренной русский народ до самого последнего времени был опутан целой сетью затяжных бессмысленных ограничений — при основной и тяжкой повинности нести на себе всю ответственность за громадное, раскинувшееся на два материка государство... Для начала хотя бы уравнили нас в правах с господами покорёнными народностями! Для начала хотя бы добиться только пропорционального распределения тех позиций власти, богатства и влияния, что при содействии правительства захвачены инородцами. Если немцы, которых 1 процент в Империи, захватили кое-где уже 75 процентов государственных должностей, то на первое время смешно даже говорить о русском «господстве»... И описывает, в том числе и в других статьях своих, широко распространённую практику утеснения и вытеснения русских во многих областях политической, деловой, социальной и культурной жизни, говоря даже о «тяжёлом засилье инородчества» — впрямую переключаясь с ситуацией нынешней.

Надо сказать, что и советская, к середине тридцатых годов в большинстве своём русская по национальности номенклатура во многом переняла этот «интернационализм за счёт русского народа», куда больше зачастую заботясь о национальных окраинах

под политически недалёким самооправданием: «свои поймут и потерпят», дескать... Именно грубые ошибки в определении и поддержании должного статуса русского народа в стране (с разделением на союзные республики, в том числе, а не на губернии), недалёковидность в решении «русского вопроса» и стали одной из самых главных причин распада Советского Союза. И задача восстановления русского самоуправления, «самодержавия», суверенитета во всей полноте этого понятия и сейчас стоит перед нами как категорическое, в императив возведённое требование нашего народа.

Вообще же, это «при содействии правительства» дорогого стоит в устах убеждённого монархиста... Меньшиков видел, конечно же, что немецкая династия на российском троне не могла не бояться русского большинства и всячески разбавляла его более сговорчивыми инородцами, ограничивала его как могла во власти, влиянии, инициативах, в распоряжении своим национальным достоянием. Весьма показательным здесь является настороженное и мало сказать — неприязненное отношение «немецкого самодержавия» к идейному движению славянофилов Аксаковых, Хомякова и других выразителей русского самосознания, всяческие запретительные цензурные и прочие санкции, закрытие журналов и даже аресты — более чем странные, казалось бы, в родном Отечестве... И если позже правящая

верхушка поспешно поддержала, отчасти сама организовала возникшее в начале нового века патриотическое черносотенство, то лишь из-за страха перед надвигавшейся революцией.

А она становилась всё неизбежней, поскольку давно и умеренно унижена была и оскорблена сама «народность» из пресловутой уваровской триады «Православие, Самодержавие, Народность», где впали в системный кризис все её составляющие, в том числе и синодальный, издавна лишённый патриаршества клир. И тютчевское грозное предчувствие «дыхания Бога — дыхания бури» жило и в Меньшикове, чутко выразившем тогда критическое, предгрозовое самочувствие самого русского духа: «Я думаю, что столь глубокий упадок чувства народности — накануне восстановления её или смерти. Одно из двух...»

Народ и восстановил своё попранное достоинство, свою «самость» и историческую значимость тем способом, какой был ему доступен — свержением власти, которая не исполняла возложенных на неё Богом и нацией обязанностей. Большевики, как раз обладавшие «длинной волей», смогли достаточно убедительно сформулировать свой проект, в перспективе решающий главные проблемы бытия народа, и тот согласился на него, поддержал и принял его к осуществлению.

Крайним же выражением антинациональной политики «Романовых», а по сути предательства

ими высших интересов России стало ввязывание страны в Первую мировую, поистине империалистическую войну в качестве «пушечного мяса» Антанты, западных ростовщиков-заимодавцев, своих хоть сколько-нибудь истинных, жизненно важных целей и причин на то не имея. То есть, по Тютчеву, чтобы в который раз «служить подкладкой» чужих и чуждых интересов, влезая вдобавок в огромные дополнительные долги перед «союзниками» и неся в ней беспримерные человеческие и территориальные потери.

К раскрученной накануне её военной истерии в стране, кстати, вдруг как по команде подключилось большинство российских газет (какие сам же Меньшиков в открытую называл «еврейскими» и считал сугубо антирусскими), поднявших нежданно-негаданно прямо-таки ура-патриотический вой в поддержку войны «за Царя, за Отечество»... На этот раз ему, видно, не хватило пронизательности понять, что команда-то была из всё тех же недр Антанты (как, впрочем, и на убийство эрцгерцога в Сараево) с целью втянуть русских в эту бойню, и сам он тоже увлёкся воинственной риторикой «войны до победного конца»...

Все эти факторы вместе и предопределили закономерный во многом крах царизма и самой Империи. И нынешние попытки навязать некий религиозно-публицистический культ последнего царя

по меньшей мере антиисторичны и противоречат всему огромному массиву данных, документальных свидетельств слабости, неукоренённости в народе этой лже-романовской династии и её неспособности работать на истинное благо нации и страны. Простительно даже, что нынешние радетели монархизма сочли «исконной-посконной», автотонной и безальтернативной колониальную администрацию «Романовых»: достаточных целенаправленных исследований этого феномена в нашей исторической науке действительно нет, опереться в ней особо не на что, и заблуждаться на этот счёт можно, наверное, вполне искренне. Но поражает, как они, радетели, бесчувственны, по-барски пренебрежительны к многовековым тяготам и издевательствам, к полнейшему бесправию большинства нашего народа, крестьянства и рабочего люда вообще. Понятно, что не радетелей же этих продавали оптом и в розницу, и что — простите за грубость — не их матерей заставляли откармливать грудью легавых щенков...

Куда как показательно, что белогвардейское дворянство так и не почувствовало, не признало никакой исторической вины своей во всём происшедшем, считая себя жертвой «взбунтовавшегося хама», сваливая все грехи свои и огрехи на народные низы и тем пытаясь оправдывать свой «социальный расизм» (С. Кара-Мурза), что так нагляден, например,

в «Окаянных днях» И.А. Бунина... Похожим образом ведут себя и «ревнители» Николая II, вынося за некие скобки все его «вольные и невольные» проступки и прямые преступления как несущественные, — за какие такие скобки? Своего беспамятства и равнодушия, своего монархического ража? И требуют не менее чем «всенародного покаяния» перед ним — в унисон, кстати, с «либеральной» люмпен-интеллигенцией, требующей того же и за всё семидесятилетие советской власти.

Между тем, поспешная и под давлением отнюдь не церковных кругов канонизация его вызывает немало вопросов и сомнений, уж очень явны политиканские причины или, если хотите, «мотивы вины» Ельцина, сравнявшего с землёй Ипатьевский дом, и церковных верхов, помнящих о торопливом отречении иерархов РПЦ от своего «помазанника». И более чем убедительна позиция митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, а с ним и митрополита Нижегородского Николая, что, по слову последнего, «сбежавший под юбку Александры Фёдоровны» и тем самым предавший страну бывший царь никак не может встать

рядом со святыми Александром Невским и Дмитрием Донским...

Всё это говорит не только о том, что исторические уроки этими властными, околоставными и просто «любительскими» кругами никак не выучены. Симптоматичная смычка «поклонских» монархистов и прозападной «либерасни» впрямую работает на интересы российской олигархии, которую вполне бы устроило, как вариант, «самодержавие» романовского толка с его разнуданной свободой корысти, рвачества, нещадной эксплуатации людских и природных ресурсов России.

Ко всему прочему, приходится делать вывод, что «хрустобулочники», рьяные почитатели «России, которую мы потеряли», если и читали, то, похоже, очень поверхностно «святую русскую литературу» (Т. Манн), в том числе второго-третьего ряда от Радищева до Писемского и братьев Успенских. Она, горькая и родная, и является полным «сводом доказательств» того, что в двух статьях моих лишь обозначено как предмет дальнейших исследований и трезвого осмысления всеми, кто неравнодушен к поискам правды в нашей сложнейшей истории.